

Все взгляды были прикованы к ним двоим. Те, кто был в курсе событий и питал дружеские чувства к Чи Шэну, уже предвкушали развязку, затаив дыхание.

Не прошло и полминуты, как официант поднёс Чи Шэну пышный букет, и тот, нервно сглотнув, шагнул вперёд.

«...»

Цзин Шунь, не поднимая глаз, безучастно наблюдал за этим представлением.

Наконец, Чи Шэн опустился на одно колено, словно рыцарь перед дамой сердца, и произнёс заранее заготовленные слова: «А Цзин, прошло почти десять лет с тех пор, как наши пути пересеклись в четырнадцатилетнем возрасте».

«И лишь когда тебя коснулась эта трагедия, я осознал, что ты занял в моём сердце место, которое никто и никогда не сможет заполнить. Ты нравишься мне. Я люблю тебя так, как до тебя я не любил никого и никогда!»

«Я знаю, что недавние события оставили в твоей душе глубокую рану, но я готов стать твоим верным спутником на пути к исцелению, разделить с тобой все тяготы и радости. Что бы ни уготовило нам будущее, я хочу быть рядом в роли твоего возлюбленного. Позволишь ли ты мне эту возможность?»

Присутствующие, оглушённые искренностью и нежностью признания Чи Шэна, были тронуты до глубины души. В их взглядах читалось удивление, смешанное с нескрываемым любопытством.

Семья Чи, стоящая за спиной Чи Шэна – сила, с которой нельзя не считаться. Чем влиятельнее род, тем большее значение придаётся бракам, скрепляющим союзы между равными. И вот Чи Шэн публично признаётся в любви Цзин Шуню.

Мало того, что избранник – мужчина, так ещё и прикован к инвалидному креслу. Какое безумие, какая дерзость!

Розы, алеющие перед ним, источали дурманящий аромат, который в этот самый момент вызвал в душе Цзин Шуня бурю противоречивых чувств. Глаза его наполнились слезами.

Чи Шэн и остальные, неверно истолковав его реакцию, сочли это проявлением сильных эмоций.

«А Цзин, ты примешь меня?» – с тревогой в голосе повторил Чи Шэн, но в его глазах плясал огонёк уверенности. Он казался не просителем, а охотником, убеждённым в своей победе.

«...»

Принять?

Согласиться стать всеобщим посмешищем?

Сердце Цзин Шуня захлестнула волна безграничной печали и негодования. В следующее мгновение он, собрав последние силы, швырнул букет: «Чи Шэн, да ты недостоин даже прикоснуться к этим цветам!»

Хлоп!

Букет обрушился на лицо Чи Шэна, осыпая его лепестками. Даже самая изысканная упаковка не выдержала удара.

От оглушительного хлопка Чи Шэна словно парализовало. Все присутствующие застыли в изумлении.

Что происходит?

Отказ в любви – это одно, но зачем поднимать руку?

Чи Шэн, не веря своим глазам, уставился на Цзин Шуня. Мысли в его голове застыли: «А Цзин, ты... ты...»

«До меня тебе никто не нравился? Мастер Чи – образец целомудрия, не правда ли?» – Цзин Шунь брезгливо смахнул с колен остатки лепестков. В его голосе звучала ледяная насмешка: «Я так не думаю».

Чи Шэн поперхнулся от возмущения и подсознательно воскликнул: «А Цзин, что ты несёшь? В моём сердце всегда был только ты! Рядом со мной никогда никого не было».

Цзин Шунь не дал ему опомниться: «Номер 2103 отеля «Перл Уолдорф». Сколько тел побывало в твоей постели за эти годы? Ты ещё помнишь? Может, тебе стоит заглянуть в архив записей камер видеонаблюдения?»

«...»

«Начиная с шестнадцати лет ты круглый год бронируешь номер в отеле на подставное имя. Каждый месяц в твоих апартаментах оказываются всевозможные молодые актрисы, светские львицы и просто случайные знакомые. Иногда на ночь, иногда на несколько суток. И далеко не

всегда в одиночку. Я прав?»

Его слова, хоть и не называли вещи своими именами, с беспощадной откровенностью обнажали всю мерзость происходящего.

Даже выдавшие виды наследницы и молодые господа были шокированы.

«...»

Скрытая тайна вдруг выплыла наружу. Дыхание Чи Шэна стало прерывистым, а боль на лице – ещё более явственной. Он стиснул зубы, чтобы не потерять самообладание, и быстро обменялся взглядами с двумя своими ближайшими друзьями.

Они все рано познали вкус взрослой жизни и не стеснялись в сексе.

Но если подобные связи в богатом кругу становятся достоянием общественности, это чревато последствиями для репутации и интересов семьи. Поэтому они всегда охотились за новыми впечатлениями за пределами своего круга.

Существует чёткая грань между настоящими богачами и миром интернет-знаменитостей и фальшивых светских львиц. Последние, как правило, гонятся за деньгами, и если платить достаточно, проблем не возникнет!

За эти годы они проворачивали множество грязных делишек, и их прошлое далеко не безупречно. Но круг посвященных был настолько узок, что казалось невозможным, чтобы об этом узнал Цзин Шунь.

«...»

Присутствующие, люди неглупые, по реакции Чи Шэна поняли, что это, скорее всего, правда.

Хотя они и держали язык за зубами, в их глазах начало проглядывать презрение.

Чи Шэн кажется таким обаятельным и воспитанным, но что скрывается за этой маской? Неужели он начал заниматься этим ещё будучи несовершеннолетним?

Какая мерзость!

«А Цзин, я знаю, что в последнее время тебе нелегко, но ты не должен подвергать сомнению мои чувства подобным образом», – Чи Шэн попытался изобразить скорбь, настаивая на лживости обвинений. «Скажи мне, кто наговорил тебе эту чушь и оклеветал меня? Кто

пытается посеять между нами вражду?»

Цзин Шунь лишь устало отмахнулся. Холод в его глазах стал ещё более обжигающим.

В прошлой жизни вместе с тем видео ему прислали текст, который было просто невозможно читать без отвращения.

Аноним, отправивший сообщение, не был связан ни с кем из любовников Чи Шэна. Но он предусмотрительно приложил множество доказательств.

Вероятно, он считал Цзин Шуня официальным возлюбленным Чи Шэна и хотел использовать этот скандал, чтобы разжечь между ними конфликт и получить власть.

«Чи Шэн, между нами всё кончено».

Цзин Шунь развернул инвалидное кресло и произнёс: «Твоё тело осквернено, твоя любовь дешева, а твои прикосновения вызывают лишь рвоту».

«...»

Чи Шэн, привыкший к поклонению и восхищению, не мог поверить, что его унижают таким образом.

Даже если его любовь к Цзин Шуню была всего лишь притворством, он не позволит ему так себя позорить! Ярость, копившаяся в его сердце, вырвалась наружу, готовая сжечь дотла маску, которую он носил перед другими.

Фан Имин, молодой господин из семьи Фан, друживший с Чи Шэном, не выдержал и выпалил: «Цзин Шунь, ты кто такой, чтобы так разговаривать?»

«Ты всего лишь калека, прикованный к инвалидному креслу до конца своих дней! Ты правда думаешь, что ты такой уж ценный приз?»

«Оглянись вокруг. Во всём Хайши ты не найдёшь никого, кто мог бы сравниться с Чи Шэном по происхождению и статусу. Кого ты из себя строишь?»

«...»

Цзин Шунь, до боли сжимая ручки инвалидного кресла, вдруг заметил чью-то фигуру в дверях банкетного зала. Он повернул голову и замер...

Высокий мужчина в чёрном пальто, подчёркивающим безупречную фигуру, смотрел на происходящее с непроницаемым выражением лица.

Цзин Шунь узнал его и был потрясён.

Присутствующие, проследив за его взглядом, тоже замерли в изумлении.

«Не может быть... Мистер Чи?»

«Не знаю. Когда он приехал?»

«Я ничего не заметил! Что могло привлечь председателя Чи на этот скромный банкет?»

После того как Чи Гуй встал у руля Chi Group, он перестал посещать подобные мероприятия.

Время от времени доходили слухи о его успехах: то о заключении многомиллиардной сделки за рубежом, то о его участии в секретных международных деловых встречах от имени Хайши. Его имя было окутано аурой недостижимости.

Чи Гуй был человеком, которому суждено стоять на вершине пирамиды власти в Хайши.

<http://bllate.org/book/14880/1322843>